— Я не считаю, что у меня одна работа — режиссерская, а вторая — директора студии, — говорит Реваз Давидович. — Они — единое целое. Поясню, почему так считаю. С годами, наверное, с каждым мастером это случается — и в музыке, и в живописи, и в литературе: человек становится рабом своего ремесла, своих пристрастий. И от этого он делается однообразным, даже скучным. Это естественно: растратил, расходовал себя, а обновления нет. А меняться, отступать от своего подхода к творческому процессу всегда трудно. Для меня же учеба продолжается каждый день: директорская должность обязывает все время работать с молодежью, с кинематографистами среднего поколения, сверстниками — людьми очень разными, талантливыми, ищущими. Стараешься увидеть, осмыслить: что у них нового? Как они решают вопросы?

— Но ведь быть директором киностудии — это не только творческое общение, но и взаимоотношения с вышестоящими кинематографическими инстанциями, пробивание сценариев, фильмов. А это, судя по всему, дело довольно сложное...

— Да, сложное. Но моральное удовлетворение, которое я получал от очередной победы, когда удавалось даже в условиях застоя отстоять фильм, ни с чем не сравнимо. Сейчас стало как-то модным критиковать партийных работников и разного рода чиновников. А я вот что скажу. В нашей борьбе (а слово «борьба» вполне соответствует действительности) мы были не одиноки. И помогал нам прежде всего ЦК Компартии Грузии, потому что киноискусство у нас в республике по традиции рассматривают как очень важный участок идеологической работы. Пожалуй, нескольких фильмов, которые сейчас считаются эталонными для грузинского кино, вообще не было бы, если бы не непосредственное соучастие в их создании партийных органов. Так было, когда я снимал киноповесть о секретаре райкома «Твой сын, земля». Так было и при создании «Покаяния» Т. Абуладзе.

Этот фильм вообще был «подпольной работой». Мы никому не давали читать сценарий, не показывали его в Москве... Совмин и ЦК КП республики взяли будущий фильм как бы на «социальный заказ» — финансировали его, даже транспорт для работы выделили. Хотя, честно говоря, уверенности в его благополучной судьбе у нас в то время не было.

— Говорят, что уже готовый фильм «Покаяние» пролежал три года под кроватью автора...

— Ну, это преувеличение! Не три, а где-то около года Абуладзе прятал его под кроватью. Мы старались, чтобы как можно меньше народа его смотрело, нарушили даже общий порядок — не показывали материал художественному совету. Не хотели лишних разговоров, ажиотажа. Сам Тенгиз Абуладзе всегда был уверен, что фильм нужен нашей стране. И те, кто заказывал фильм, верили в это.

Вот какими бывали у нас порой взаимоотношения с высшими кинематографическими инстанциями. Не скажу, что сейчас все вопросы между нами решены, но дорога, которой мы идем, гораздо более чистая, без рытвин. Госкино СССР и сейчас рассматривает наш тематический план, затем рассматривает сценарии, но пока противоречий не возникает, несмотря на острую тематику.

И все же мне кажется, что независимость киностудий должна углубляться — и в тематическом плане, и в решении вопросов хозяйственного управления.

— Так ведь именно на хозрасчет, на самофинансирование и ориентирована новая модель кинопроизводства, за которую сейчас борется Союз кинематографистов СССР!

— Вопрос этот не так прост, как кажется на первый взгляд. В общем-то советский кинематограф, особенно в национальных республиках, очень плохо подготовлен к этому повороту.

Начну, как это ни странно, с конца — с проката. Что значит самофинансирование? Я приготовил продукцию и должен ее продать, распространить по стране. Если нашу картину не посмотрит зритель, то какой доход я буду иметь и как буду существовать завтра? А наши фильмы к зрителю зачастую просто не попадают. Я имею в виду особенно работы националь-

ных студий, в том числе и грузинской.

— Вам ли жаловаться? У грузинского кино такая прочная всемирная слава!

— Слава-то есть, но все-таки это «элитарная» слава. У нас часто бываю Дни, Недели грузинского кино в каких-то регионах страны. И когда наша делегация приезжает куда-нибудь в сторону от столиц, выясняется, что население тут вообще не видело грузинского кинематографа. Не было его на экране! Потому что у нас нет пленки, чтобы обеспечить нужное количество экземпляров фильма. Вот и делается громкая премьера в Москве, а затем картина выходит ничтожным тиражом для такой огромной страны, как наша. Какой же может быть разговор о самофинансировании?

Знакомые имена

Реваз Чхеидзе:

«ДОРОГА, КОТОРОЙ МЫ ИДЕМ...»

На днях в числе кандидатов в народные депутаты СССР от Союза кинематографистов СССР было названо имя кинорежиссера, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, директора киностудии «Грузия-фильм» Р. Д. Чхеидзе.

У нас система проката совершенно не отработана. Кинотеатры не приспособлены к тому, чтобы создать уют для зрителя. Летом там жарко, зимой — холодно и всегда — казенно...

И потом — какие фильмы пропагандировал и сегодня пропагандирует наш экран? Ведь мы за рубежом покупаем не лучшие работы мастеров, а нередко дешевые подделки, и «крутят» их до истончения пленки. Мне кажется, что этим ужасным подходом к репертуарной политике нанесен огромный, непоправимый урон нашему зрителю, отравлен его вкус, создан для него заведомо — низкого пошиба эталон эстетического восприятия. Вот говорят: люди любят индийское кино. И это правда. Только какое это кино? Обязательно с песнями и плясками, со страдающими влюбленными, непременно обретшими счастье в финале. Но ведь в Индии есть интереснейший, великолепный кинематограф — остросоциальный, философский, — которого мы абсолютно не знаем!

Но к мелодрамам привыкли, на них ходят. А нам что, тоже такие делать? Раз мы сейчас перейдем на хозрасчет, будем думать, что и как продавать, значит, тоже должны «спускать планку» до ширпотреба? Вот о чем я хотел бы спросить наших руководителей проката.

Не менее важен и вопрос о материальной базе кинематографа. Не скажу, что на «Мосфильме» решены все вопросы технического оснащения, они тоже многого не имеют. Но по сравнению даже с ними наши операторы, режиссеры, лаборатории — все мы работаем, так сказать, в «каменном веке». А ставить киностудии в неравные условия, когда мы имеем один и тот же прокат, одного и того же зрителя, — несправедливо. Какое уж тут самофинансирование!

О допотопной аппаратуре, на которой нам приходится снимать, о бракованной пленке не раз уже писалось и говорилось. Все эти вопросы должны быть решены по — государственному, иначе деньги, которые нам выделяют, чтобы делать фильмы, не дадут отдачи.

Каков же выход из этого бедственного положения? Думаю, что найти его нам порой мешает старое мышление, остаточный подход к искусству как к делу второстепенному. Поясню, что я имею в виду. Сейчас, например, студия «Грузия-фильм» получает много предложений от зарубежных фирм: нам предлагают совместные постановки, заказы, приезжают на съемки. Выгодно ли мне принимать в этом участие? Было бы выгодно, если бы за большую и сложную работу, продланную студией, мы получили валюту, которую использовали бы на оснащение кинопроизводства. Но пока за все труды нам остается мизерная сумма — 6 про-

центов заработанного. А всего кинематографу положено 10 процентов валюты — кроме наших, два процента берет Госкино СССР и еще два — «Совэкспортфильм». Почему и кто подписал такой приказ о 10 процентах, лишающий нас с самого начала стимула в работе?

Недавно этот вопрос был решен на высшем уровне в отношении «Мосфильма» — студии теперь будут оставлять 90 процентов всех валютных отчислений. Справедливость требует распространить это положение и на национальные киностудии.

— Реваз Давидович, необходима ли, по вашему мнению, перестройка мышления самих творческих работников, ваших коллег?

— Если вспомнить, то и в прежние времена многие грузинские режиссеры — среди

них Тенгиз Абуладзе, Отар Иоселиани, Лана Гогоберидзе, Эльдар и Георгий Шенгелая и многие другие — делали острые, социальные картины, способствующие мысли о необходимости перемен в обществе. Сегодня, когда, казалось бы, нам никто ничего не запрещает, когда возникают новые возможности, кое-кто из кинематографистов словно даже растерялся немного. У меня такое ощущение, что нас толкают на широкую дорогу, а мы как-то робко идем, сопротивляемся. Сомневаемся: а дадут ли нам коснуться острых, больных вопросов... В наших умах до сегодняшнего дня сидит этакий «редактор». Художник сам боится сказать о том, что хочет. Вот тут-то и нужна перестройка, чтобы люди с абсолютно открытой душой размышляли о главном, делали анализ жизни нашего общества, видели будущее, куда мы идем. Тут надо раскрепоститься совершенно.

— Одна из самых острых и больных проблем, поставленных временем, — национальный вопрос. Фильмы вашей студии всегда высоко несли традиции народной жизни, их не спутаешь с лентами мастеров других республик, стран. Какие задачи стоят перед вами в этом плане сегодня?

— Конечно, в развитии и становлении национального самосознания общества кино играет не последнюю роль. Хотя мне кажется, что национальное искусство никогда не противоречит интернациональному, они друг с другом связаны. Если картина не просто этнографическая, а несет в себе истинные, глубинные приметы жизни народа, она всегда будет интересна зрителям других регионов.

Сегодня у нас в республике немало проблем, носящих в чем-то национальный характер, которые до сих пор были для искусства во втором, на десятом плане. До сего дня грузинский кинематограф мало поднимал те темы, в которых нуждается народ. Был когда-то поставленный Чиаурели «Георгий Саакадзе», вот, пожалуй, и все. Мы получаем письма от людей: почему нет картины о Давиде-строителе, о царице Тамаре, о Шота Руставели, о многих прогрессивных деятелях прошлого, ведь эти картины помогли бы нам лучше разобраться в сегодняшнем дне и даже прогнозировать будущее. Исторический фильм делать трудно и дорого. Но сейчас мы видим — надо делать.

На первый план выдвигаются и вопросы экологии и многие, многие другие жизненно важные проблемы. Одним словом, горит, бушует разбухшая временем и перестройкой гражданская активность, требующая от киноискусства конкретных ответов, поддержки. Наверняка все это найдет отражение в наших новых работах...

Беседу вела
Оксана МОГИЛА.